

Падение.

Бесконечное падение.

Невесомость выворачивала внутренности, в ушах завывал ветер — а может, это какое-то существо издавало пронзительный скорбный крик. Казалось, к коже всё ещё лип дождь из ледяной крови, оставляя неистребимый запах железа и отчаяния.

Се Цинь резко открыл глаза.

Ожидаемого удара или падения в бездонную пропасть не произошло.

Он лежал на земле.

Под ним были холодные шершавые каменные плиты, больно впивавшиеся в тело. Запах в воздухе изменился: больше не было ни густой вони крови и формалина из музея, ни затхлой плесени отеля. Вместо них стояла... чрезвычайно странная смесь запахов.

В прохладном влажном воздухе смешивались густой аромат благовоний, запах пепла от сожжённых ритуальных денег и едва уловимая, приторная до тошноты... сладость выпечки.

Он опёрся на руку и сел. Рана у лопатки натянулась и отозвалась резкой болью, вынудив его приглушённо застонать. Из-за прежней потери крови и ударов голова всё ещё была немного тяжёлой.

Взгляд постепенно прояснился.

Он сидел в узком переулке, вымощенном плитами из серо-зелёного камня. По обеим сторонам тянулись низкие старые дома с белыми стенами и чёрной черепицей. Под карнизами висели выцветшие фонари, на бумаге которых смутно проступал иероглиф «траур». Небо застыло в вечных сумрачных вечерних тонах: ни солнца, ни луны — лишь мутная серо-синяя мгла, давившая на грудь.

Переулок был пуст и безмолвен. Только издалека доносилась едва слышная, прерывистая мелодия соны — одновременно праздничная и скорбная, до крайности жуткая.

Вечносонный городок.

Се Цинь опустил взгляд на свои руки. Чёрная кровь исчезла, одежда снова была чистой, но разрыв на плече и рана под ним остались. Хрустального сердца, вызвавшего разрушение сцены, разумеется, тоже не было.

— Цок, никакой фантазии, — раздался над его головой ленивый голос с улыбкой.

Се Цинь резко поднял голову.

Шэнь Юй сидел на невысокой стене рядом, болтая ногами. Теперь на нём был тёмно-красный длинный халат, расшитый сложным серебряным узором, который едва заметно переливался в тусклом свете. Чёрные волосы мягко спадали на плечи, отчего его лицо казалось ещё бледнее и демонически прекраснее. Подперев щеку рукой, он скучающе разглядывал мёртвый городок, словно вовсе не он только что стал виновником ужасного разрушения предыдущей сцены.

— Каждый раз после разрушения нас сразу швыряют в следующую сцену, даже антракта не дают, — пожаловался Шэнь Юй. Он спрыгнул со стены, приземлился перед Се Цинем, наклонился ближе и провёл холодными пальцами по ране на его плече. — Больно?

Движение было нежным, но в глазах читалось почти жестокое любопытство, словно он наблюдал за реакцией подопытного на боль.

Се Цинь резко отбил его руку, настороженно и холодно посмотрел на него и, опираясь на стену, поднялся.

— Не смертельно.

— Какая жалость. — Шэнь Юй пожал плечами и улыбнулся без малейшей искренности.

В этот момент, как по расписанию, прозвучал ледяной механический голос. На этот раз в нём будто проскальзывала едва заметная усталость и... оцепенение?

□Добро пожаловать в Вечносонный городок.□ □Текущая сцена: Ночь посмертной свадьбы.□
□Основная задача: выжить до окончания церемонии или найти «невесту» / «жениха».□
□Предупреждение: ни в коем случае не отвечайте на голос, зовущий вас по имени из темноты.□
□Желаем вам... спокойного сна.□

Посмертная свадьба?

Се Цинь нахмурился. Уже по названию эта сцена казалась ещё более странной, чем две предыдущие, и словно... была по человеческим страхам.

— Посмертная свадьба... — Глаза Шэнь Юя, напротив, загорелись, будто он услышал нечто чрезвычайно занятное. Он обошёл Се Циня кругом, полы тёмно-красного халата скользнули по каменным плитам. — Вот это мне нравится. Се Цинь, как думаешь, пойдём искать «невесту» или «жениха»? — Он нарочно растянул слова, двусмысленно и опасно. — Или... сами станем главными героями?

Се Цинь проигнорировал этот бред и прислушался к далёкой мелодии соны, пытаясь определить направление. Кажется, звук шёл из глубины городка.

Он направился туда. Рана всё ещё ноюще болела, но двигаться не мешала.

Шэнь Юй тут же последовал за ним, шагая рядом и напевая фальшивую, одновременно праздничную и скорбную мелодию соны. Настроение у него явно было превосходное.

Переулки извивались, словно им не было конца. Двери и окна домов по обе стороны были плотно закрыты. За бумажными оконными створками будто мелькали размытые человеческие силуэты, но стоило посмотреть прямо — они мгновенно исчезали. Перед каждым домом висели белые фонари и были наклеены белые иероглифы двойного счастья, отчего мороз пробирал по коже.

Чем глубже они заходили в городок, тем яснее становилась музыка соны. К ней постепенно примешивались тихие звуки, словно множество людей одновременно шептали и плакали — или смеялись.

Впереди показалась относительно просторная площадь. В центре стояла шаткая театральная сцена. На подмостках никого не было, но музыка соны и жуткая смесь плача и смеха доносились именно из-за кулис.

По краям площади смутно маячило множество «людей».

Они были одеты в старомодные чёрные или белые одежды, стояли неподвижно, спиной к пришедшим Се Циню и Шэнь Юю, и словно «смотрели» на пустую сцену. От одного их присутствия и без того холодный воздух будто стал ещё холоднее.

Се Цинь остановился в тени у выхода из переулка и принялся наблюдать за их спинами.

Их было очень много — почти вся площадь была забита. Ни звука, ни движения. Словно толпа бумажных фигурок, ожидающих начала представления.

— Зрители уже собрались, — тихо произнёс Шэнь Юй у его уха, обдав кожу холодным дыханием. — Когда же выйдут главные герои?

В этот момент мелодия соны за сценой резко взвилась, став пронзительной и режущей слух!

Застывшие «зрители» синхронно начали поворачиваться — медленно, с ужасающей механической точностью!

На их лицах не было черт.

Только гладкая мертвенно-белая поверхность.

Сотни и тысячи безликих голов одновременно «повернулись» к двум людям, стоящим в тени.

Се Цинь мгновенно задержал дыхание.

А Шэнь Юй едва слышно и возбуждённо втянул воздух.

— Ах... — восхищённо вздохнул он, словно увидел невероятно прекрасный пейзаж. — Как аккуратно.

В следующую секунду безликие «зрители» разом подняли руки и деревянно указали в одну сторону — не на Се Циня и Шэнь Юя, а на стоящий неподалёку особенно обветшалый старый дом, у входа в который висели два мертвенно-белых фонаря!

Из сотен безликих голов одновременно вырвался высокий искажённый голос, в котором невозможно было различить мужской он или женский. Голоса наложились друг на друга и слились в леденящий кровь хор:

— О-о-бряд — завершён! В бра-а-ачные — покои!

<http://bllate.org/book/21442/2262358>